

УДК 930.85

DOI: 10.25629/НС.2022.03.02

ЖЕНСКАЯ АСКЕТИКА И ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В РАННЕЙ ЦИСТЕРЦИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Редькова И.С.

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет

Статья подготовлена в рамках проекта: «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция»

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема гендерной сегрегации и отношения к женщинам в ранней цистерцианской традиции. Женские религиозные общины, желающие следовать цистерцианской аскезе, возникают практически одновременно с цистерцианским орденом, однако нормативные источники Сито эксплицитно отрицают право женщин находиться в пределах монастырей и на грангиях. В исследовании поднимаются вопросы отношения к женщинам и взаимоотношения с женщинами в трудах цистерцианцев, анализируются особенности духовного воспитания женщин, их образы в Священном Писании и рецепция этих образов в монашеской экзегетике.

Ключевые слова: цистерцианцы, Бернард Клервоский, экзегетика, Библия, Элред из Риво.

Введение

Первые цистерцианские женские монастыри возникли несколько лет спустя после основания Сито, а в XIII веке, по словам известного проповедника Жака де Витри, их стало так много, как звезд на небе, и в историографии это столетие также часто называют «великой эпохой цистерцианок» [12]. В цистерцианской историографии исследовался вопрос сдержанной позиции ордена к инкорпорации женских общин в структуру ордена, доказательства этой позиции можно найти в нормативных документах, в частности, в статутах генерального капитула, например, статуты за 1213, 1218, 1219, 1220, 1228 и 1251 г. [8,10].

Какова была роль женщин в цистерцианском движении? Игнорировалось ли их существование с самого начала образования цистерцианского ордена? Цистерцианские тексты преимущественно молчат о женщинах, которые хотели бы вести монашескую жизнь. До 80-х гг. прошлого века в историографии существовало мнение, что цистерцианцы предпочитали игнорировать запросы женской части христианского общества на следование своему образу жизни (аскезе), или же делегировали задачи духовного окормления женщин другому ордену – премонстрантам [11]. Об этом свидетельствуют генерального капитула начала XIII в. (1202, 1237). Однако также известно, что существовали женщины, которые желали следовать цистерцианскому обычаю. Решение этого парадокса предложил Ричард Сазерн в своей книге «Церковь и общество на Западе в Средние века» [13]. Он обратил внимание на то, что первоначально нормативные источники цистерцианцев не замечали женщин, однако, когда же источники стали говорить о женщинах, то только с целью дистанцироваться от них. При этом уже с середины XII века во всей Европе возникают женские цистерцианские обители, в наибольшем количестве они представлены в менее освоенных регионах, например, в Испании. Данный факт подтверждается документальными свидетельствами, и историографические споры ведутся лишь о скорости и динамике распространения женских обителей [11]. В свою очередь, американская исследовательница Констанс Берман считает, что отсутствие женщин в нарративных текстах Сито объясняется гендерно: авторство этих текстов принадлежало мужчинам [8], однако в своих исследованиях она убедительно показывает, что практика на местах, локальные административные документы свидетельствуют о

включенности женщин в цистерцианскую традицию. Вопрос о враждебности ранних цистерцианцев к женщинам остается до настоящего времени открытым. Исследования последних лет [12] делают упор на изучение цистерцианских женских обителей в XIII в., однако возможность появления и распространения этого типа женской духовности уходит корнями в осмысление духовного пути женщин, их роли в обществе или общине в трудах Бернарда Клервоского, где проблема гендерной сегрегации представляется в совершенно ином свете.

Гендерная сегрегация по нормативным источникам

Нормативные документы цистерцианского ордена – Хартия милосердия – категорически запрещала присутствие женщин в монастырях и даже на грангиях, участках земли, принадлежащих аббатствам, где «светские братья» ордена, конверсы, ухаживали за скотом, возделывали поля, следили за виноградниками. [3]. Хартия милосердия (*Carta caritatis*) — это документ, определяющий структуру и функционирование цистерцианского ордена, основан на Уставе св. Бенедикта и состоит из 30 статей, устанавливает правила жизни цистерцианской общины и взаимоотношения аббатов цистерцианских монастырей. «Ни под каким предлогом, ни из-за приготовления пищи или заготовок, ни из-за стирки каких-либо вещей монастыря, как это до этого было необходимо, не из-за каких-либо других необходимостей, нам и нашим конверсам запрещено проживание рядом с женщинами». «Им (женщинам) запрещается быть гостями в пределах грангий, и запрещается переступать ворота монастыря» [9].

Один из ярких примеров того, что эти нормативные предписания действительно претворялись в жизнь, является эпизод из жизни самого Бернарда. Однажды его сестра, замужняя дама, мать двоих детей, приехала в Клерво навестить брата. Она безрезультатно стучалась в монастырские врата, но Бернард отказывался с ней встретиться, назвав ее *stercus involutus* (обернутый в ткань навоз) [1]. Сестра упростила брата все-таки встретиться, не ради ее прекрасного вида, но исключительно ради спасения ее души. Этот эпизод демонстрирует, как нормативные предписания цистерцианцев реализовывались на практике, и в данном случае новый орден настаивает на имплицитной гендерной сегрегации.

Бернард Клервоский в письме к ланскому канонику Луке из Руси, который основал небольшую общину недалеко от Лана, ставшую жить по обычаям премонстрантов, пишет, что одна их самых больших опасностей и искушений – это совместное проживание мужчин и женщин под одной крышей [5]. Принятие обычаев премонстрантов означало соседство мужской и женской монашеских общин и делало возможным встречу тех и других, например, во время служб, что, с точки зрения аббата Клерво, грозило большими искушениями для братии, поскольку именно красота женщины может стать источником соблазна. От этого соблазна не способны защитить даже супружеские узы: «Ведь, например, у того, кто имеет красивую жену, более красивая женщина вызывает дерзкий взгляд или помысел, носящий дорогую одежду желает иметь более роскошную, а обладающий значительным состоянием завидует более богатому....» [6]. Вожделение, которое испытывает мужчина к женщине, тесно связано и с другими пороками общества – это расточительство (*luxuria*) и жадность (*avaritia*) (жадность).

Цистерцианский орден принципиально отказался от характерной для раннего и классического средневековья практики приема облатов – «принесенных в дар отроков», когда дети еще в юном возрасте отдавались в монастырь родителями. Цистерцианцы принимали в свои ряды юношей и зрелых людей, имевших опыт жизни в миру. Настоятель Клерво подчеркивает разницу между жизнью до обращения, за пределами монастырских стен – это постоянные попойки, встречи с женщинами – и нынешней жизнью братии в чистоте и воздержании: «Насколько удивительно, когда тот, кто раньше едва ли мог и два дня удерживаться от разнузданности, пьянок, пирушек, спален распутников и других схожих и разных пороков, теперь от них воздерживается многие годы, всю свою жизнь?» [6].

Жесткие требования гендерной сегрегации в цистерцианских обителях можно объяснить тем, что аббат Клерво, знакомый с нравами горожан Парижа или Кельна, был убежден, что лишь полный разрыв с мирской жизнью мог обеспечить спасение души. Следует отметить, что бенедиктинские монастыри могли играть важную роль не только как духовные центры, но

также имели и серьезный политический и экономический вес. Сеньор, основавший в своих владениях монастырь, порой становился «мирским аббатом», мог останавливаться в обители, часто сопровождаемый свитой. В письме к аббату Сугерию Бернард критикует прежние обычаи Сен-Дени; в аббатстве можно было встретить солдат, в нем также велись торговые дела, был слышан крик спорящих, а иногда там даже «терпели женщин» [5]. В такой обстановке невозможно было размышлять о божественном, небесном и духовном, и монастырь, посвященный Богу, превращался в синагогу сатаны.

Особенности женской аскетики: девство и монашество

Требования гендерной сегрегации, отделения принявших обеты мужчин от любого женского присутствия в цистерцианских монастырях вызывают следующий вопрос: отрицал ли духовный отец цистерцианского ордена саму возможность реализации женщин на духовном поприще? Ответ на него можно найти в переписке Бернарда, который, объясняя важность сохранения девства, обращается к Священному Писанию в письме к знатной девушке Софии. Он сравнивает деву и славу девства со славой дочерей Вавилонских, которые «рядятся в пурпур и тончайшую ткань, но их совесть обернута в лохмотья, они блистают украшениями, но смердят нравами» [5]. В отличие от дочерей Вавилонских дева одета в лохмотья, но сияет изнутри красотой. Из письма очевидно, что София была знатного происхождения (хотя личность этой девушки не установлена), и Бернард, хорошо знакомый с особенностями светской жизни при дворе, понимает, что существуют некоторые обязательные элементы быта (знатных) женщин, в первую очередь, тех, что касаются красоты и стремления быть красивыми. Он упоминает пурпур, шелк и цветные притирания (то есть своего рода косметика средневековой дамы – прим. авт.), замечая, что «они имеют красоту, но не добавляют ее, и если применять их для украшения тела, то они демонстрируют свою прелесть, но не сохраняют ее», а «украшения, которые одеваются с нарядом и которые снимаются с ним, это украшения наряда, а не наряженного» [5]. Это меткое суждение показывает человека, умудренного опытом жизни при дворе, знающего особенности придворной жизни, знакомого с деталями быта. Знатная дева, по словам Бернарда, может видеть вокруг дам, которых скорее обременяют, чем украшают их драгоценности из золота, серебра, благородных камней, а дорогая бахрома, которой обита их одежда, поднимает огромные облака пыли. Это еще одно меткое замечание человека, разбирающегося в тяготах жизни при дворе. Примечательно, что аббат не призывает девушку к отказу от украшений мирских, а лишь обращает внимание на их истинное значение в духовной жизни человека.

Вся эта красота преходяща, и, по мнению аббата, природная стыдливость девы, которая пылает алым цветом на ее щеках, не имеет никакого сравнения с драгоценными подвесками королевы, а лучшее украшение – это воспитание нравов и души. Как же должна вести себя дева? Она должна владеть собой, всеми движениями тела и души, а именно, «склонить шею, опустить брови, управлять взглядом, закрыть глаза, удерживать смех, смягчить речь, умерить желание кушать, управлять гневом, выстраивать шаг» [5]. Таковы, по мнению аббата Клерво, украшения стыдливости, или, если быть точнее, признаки воспитанной особы.

Из писем Бернарда становятся известны случаи, когда монахини переживали духовный кризис и готовы были покинуть монастырь. В одном таком послании к неизвестной монахине он рассказывает о сложностях и искушениях, которые она переживала, уже приняв обеты. Аббат хвалит ее за то, что она предпочла «украшенную жизнь украшенному наряду» [5], что теперь называется монахиней по праву, а не по ложному имени. «Ложная» монахиня по своим манерам и поведению полностью отличается от девы благочестивой: она, хотя и покрывает голову, но носит ее высоко, гордо, а за ее сдержанностью слышится бесстыдная речь, у нее громкий смех и вольный шаг, а украшенное платье подойдет скорее даме с красивым убором, нежели носящей покрывало монахине [5]. Остается неясным, к каким именно монахиням обращается в своих письмах Бернард? Можно ли говорить, что его адресаты – это его духовные дочери, которые пытаются жить в соответствии с цистерцианским обычаем? Вероятно, эти письма являются косвенным подтверждением практики на местах, о которой говорилось выше: существовали женские монашеские общины, которые жили (пытались жить) по заветам цистерцианцев.

Это соображение также подтверждается текстов «О наставлении затворниц» («De institutione inclusarum»), принадлежащем перу Элреда из Риво, англосаксонского монаха, настоятеля обители Риво в Йоркшире. «Насколько сложно в наши дни увидеть монахиню в одиночестве. У ее окна будет сидеть старая болтуня и сплетница, которая будет развлекать ее историями, слухами и сплетнями, описывая в деталях вид или манеры того или иного священника, монаха или клирика, добавляя что-то недостойное и неприличное, рисуя несдержанность девушек или непопозволенную свободу вдов...» [4].

Аббат Риво подробно описывает, как слушание греховного приводит юную послушницу ко греху: сначала она начинает смеяться, при этом смех она не сдерживает, это громкий хохот, который становится тем ядом, что начинает распространяться по всему телу. Когда приходит время, каждая отправляется, нагруженная своим: юная послушница – непопозволенными желаниями, а старая сплетница – провизией. Когда же наступает время тишины, эта несчастная начинает представлять то, что услышала, и крутить в своем сердце образы, и еще сильнее в мыслях своих воспламеняется огнем, вызванным предшествующей беседой. И потом она, словно пьяная, не уверена в пении псалмов, плурует в чтении, расплывается в молитве... Подобные разговоры двух женщин в конечном итоге ведут к падению, превращая келью в бордель, убежден аббат Риво.

Таким образом, словесные грехи, совершаемые женщинами, рассматриваются в цистерцианских текстах как опасность: сам факт слушания может повредить как душе, так и телу. Это понимание женщин, тех духовных искушений, которым они подвергаются и подвержены, находит отражение в толковании Бернаром Клервоским образа «дщерей Иерусалимских» из Песни Песней. В тексте Писания их призывают пойти посмотреть на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать в день его бракосочетания (3:11). Невеста в смятении ищет своего возлюбленного и встречает дщерей Иерусалимских (5:8). Интерпретируя эти образы, Бернард Клервоский крайне негативно пишет о жительницах Иерусалима, отмечая, что из-за своей завистливости и развратности их следовало называть дочерьми Ваала или еще каким-нибудь имечком похуже. В своих проповедях на Песнь Песней он трактует дщерей Иерусалимских как блудливых и завистливых женщин. Они суетливые (*commotas per se*) и терзаются завистью (*stimulis invidiae qua torquebantur*) [7]. Подобная трактовка этих женских образов из Писания является нетипичной для латинской традиции, поскольку дщери Иерусалимские представляли собой обитательниц града Божьего. Аббат Клерво в своей интерпретации опирается больше на личные представления о жизни и нравах жительниц больших городов, и, вероятно, невольно проецирует их на толкование библейских фигур. В данном случае мы снова сталкиваемся с противопоставлением чистой девы, невесты, с развратными и завистливыми, суетливыми женщинами. Таким образом, критике у цистерцианцев подвергались свободные нравы женщин, а также присущие им (по мнению отцов ордена) пороки: словоблудие, зависть, сплетничество и т.д. Даже пассивное соучастие в этих грехах (например, слушание) могло причинить духовный вред и привести к падению, а сознательный отказ от них, выбор чистоты, девства виделся как способ реализации женской аскетике.

Выводы

Нормативные источники цистерцианского ордена предусматривают полную гендерную сегрегацию, то есть сознательное дистанцирование мужчин от женщин в пределах цистерцианских обителей. Однако подобное дистанцирование было обусловлено отнюдь не настроениями мизогинии, как может показаться на первый взгляд, а стремлением к чистоте физической и духовной жизни, осознании слабости человеческого духа и человеческой плоти. Цистерцианцы пытаются создать идеальные условия для реализации аскетического идеала, необходимым условием которого для людей, выросших в миру, познавшим многие пороки через свой личный опыт, был полный разрыв с прежней жизнью и ее искушениями, важной частью которых были красота. Такая позиция не означает отказ от духовного окормления женщин, о чем свидетельствует переписка Бернара Клервоского или Наставление для затворниц Элреда из Риво.

Библиография

Редькова И.С. Город глазами средневекового монаха (по экзегетическим текстам первой половины XII века). М.-СПб., 2020.

Редькова И. С. Отношение к болезни и уход за больными в стенах средневековой обители (по цистерцианской хронике «Великое начало Сито») // Человеческий капитал. 2021. № 7 (151). С. 45–52.

Редькова И. С. Социальная идентичность в монашеской общине: конфликты конверсов по «Великому началу Сито» Конрада Эбербахского // Феномен идентичности: философские и исторические аспекты: материалы Всероссийского (с международным участием) междисциплинарного научно-теоретического семинара / ответственный редактор О. Ю. Солодянкина. Череповец: ЧГУ, 2021. С. 125–132.

Aelredus Rieuallensis. De institutione inclusarum / *Idem*. Opera omnia. Vol. 1 / Ed. A. Hoste, C. H. Talbot. Turnhout, 1971. P. 637-682 (CCCM, 1).

Bernardus Claraeuallensis. Epistulae / Bernardi opera / Ed. J. Leclercq et H.M. Rochais, 1974-1977. Vol. VII-VIII.

Bernardus Claraevallensis. In dedicatione ecclesiae / Ed. J. Leclercq, H. Rochais. Romae, 1964. Vol. V. P. 370-398.

Bernardus Claraevallensis. Sermones / Ed. J. Leclercq, H. Rochais. Vol. I. Romae, 1964.

Berman C.H. Were There Twelfth-Century Cistercian Nuns? //Church History, Vol. 68, No. 4 (Dec., 1999), pp. 824-864.

Einmütig in der Liebe. Die frühesten Quellentexte von Cîteaux – Antiquissimi textus Cistercienses lateinisch-deutsch (Quellen und Studien zur Zisterzienserliteratur, Bd. 1), Langwaden, 1998.

Felten F. J. Abwehr, Zuneigung, Pflichtgefühl. Reaktionen der frühen Zisterzienser auf den Wunsch religiöser Frauen, zisterziensisch zu leben // Female "vita religiosa" between Late Antiquity and the High Middle Ages / Hrsg. von Melville G., Müller A. Wien, 201. (Vita regularis. Abhandlungen, 47). S. 391-416.

Felten, Franz J. Waren die Zisterzienser frauenfeindlich? Die Zisterzienser und die religiöse Frauenbewegung im 12. und frühen 13. Jahrhundert: Versuch einer Bestandsaufnahme der Forschung seit 1980 // Norm und Realität. Kontinuität und Wandel der Zisterzienser im Mittelalter / Hrsg. von Felten F. J., Rösener W. Berlin, 2009. S. 179-223.

Lester A.E. Creating Cistercians Nuns: The Women's Religious Movement and its Reform in Thirteenth Century Champagne. London; Itaca, 2011.

Southern R.W. Western Society and the Church in the Middle Ages. Harmondsworth, 1970.

THE FEMALE ASCETICS AND THE PROBLEM OF GENDER SEGREGATION IN THE EARLY CISTERCIAN TRADITION

Redkova I.S.

Orthodox St. Tikhon University for the Humanities

The article was prepared within the framework of the project:
“Earthly city and heavenly city: a medieval city as a mirror of Jerusalem”
with the support of OSTUH and the “Living Tradition” Foundation

Abstract. This paper seeks to discuss the problem of gender segregation and female role models in the early Cistercian writings (Bernard of Clairvaux, Aelred of Rievaulx) with the special focus on the *Dialogus miraculorum* by Caesarius of Heisterbach. The Cistercian Order, founded at the end of the 11th century and rapidly spread throughout Europe during the 12th century, had a great impact on the spiritual, ecclesiastic and social life, shaping the “new spirituality”. The paper goes to analyze, how the Order deals with the women in its normative practice, how the female spirituality was understood and interpreted in Cistercian exegetical writings and how these interpretations became further a tool to perceive the gender, to assume an attitude towards women and their spirituality.

Keywords: Cistercians, Bernard of Clairvaux, exegesis, Bible, Aelred of Rievaulx.